

4 СМЕНА

БУБЫШНИК

ГОСТИ

Прозвища, придуманные актерам - знак не фамильярности, а напротив, признательности, самого теплого к ним отношения. И в этом - существенное отличие актеров от политиков. ("Бас" и "Хас", к примеру, рифмуются, но - почувствуйте разницу!) Пусть "Бас" (или "Басик"), народный артист СССР Олег Валерьянович Басилашвили несколько последних лет совмещает работу в родном БДТ имени Товстоногова и киносъемки с активной политической деятельностью, а также со множеством общественных обязанностей (председатель Фонда Николая Симонова, член правления Фонда Джорджа Сороса и т. д.), но для нас он остается в первую очередь артистом. И - помимо его роли в бывшем уже российском парламенте, роли демократа, борца с тоталитарно-коммунистическим прошлым - для нас по-прежнему ценны другие его роли: князь Серпуховской в "Истории лошади", Джингль в "Пиквикском клубе", Лыняев в "Волках и овцах", Войничский в "Дяде Ване", Мамаев в "На всякого мудреца...", Дэнфорт в "Салемских колдуньях"... Это в БДТ. А в кино - конечно же, Бузыкин в "Осеннем марафоне", Самохвалов в "Служебном романе", Мерзляев в "Бедном чужаке", Платон в "Горькие для двоих"...

ВЕСЬ ЭТОТ БАС...

Набив громадную трубку и вступив клуб дыма, Олег Валерьянович извинился за опоздание.

Понимаете, только что прилетел из Америки, тут же репетиция, спектакль - вчера впервые лег спать после четырех бессонных ночей...

Летали на гастроль?

На халтуру... Чес!

Чес? Вы так спокойно произносите это слово?

А что? Теперь можно...

Халтурить можно?

Все-таки, наверное, то, что попытался сделать - это не халтура. Я хотел напомнить нашим людям, эмигрантам, которые забывают о своей родине, что она есть на свете, что она прекрасна, что она их любит, ждет... И эту миссию я в какой-то степени выполнил. Получил моральное удовлетворение...

И, наверное, не только моральное?

Да нет, какие там деньги, что вы... И потом - Америку не посмотришь, каждый день - новый город. Видел только одностороннюю Америку, обездвижил всю с западного по восточному побережью и обратно. Правда, еще и дела сделал государственные - обсудил в Нью-Йорке кое-какие проблемы в фонде Сороса...

Эта ваша работа бескорыстная?

Абсолютно, я письменно пообещал, что для себя ни копейки не возьму... Надо помогать тем, кто перспективен, но не может выжить - частным, физическим лицам. Кстати, наш Фонд Николая Симонова тоже оказывает поддержку деятелям культуры, которые в этом нуждаются. Вот Чайковский - когда ему было тяжело, то ему помогла графиня фон Мекк. Так что мы, можно сказать, являемся теми людьми, которые выпрашивают деньги у "графини фон Мекк", для того, чтобы поддержать новых Чайковских и Станиславских...

О Товстоногове

Олег Валерьянович, в БДТ вы уже 35 лет, из них 30 - рядом с Товстоноговым. А как вы попали на эту сцену, с чего все началось?

С того, что Георгий Александрович, возглавив БДТ, пригласил в театр меня, актера ленинградского Ленкома, где я работал уже три года. Когда я пришел в Ленком, Товстоногова там уже не было, и мы с ним в работе ни разу не встречались. Но после него осталась очень творческая, радостная атмосфера, в которой я три года пребывал...

В БДТ вы были приглашены на конкретную роль?

Нет, но вскоре после прихода сыграл Степана Лукина в "Варварах" по Горькому. Был замечательный спектакль, но роль у меня была крайне невыигрышная, да и играл-то я ее извозчик... Потом пошли долги, как мне казалось, годы ничегонеделания, были какие-то маленькие эпизоды, которых никому ничего не давали, ни мне, ни зрителю. Я чувствовал свою ненужность, и даже готов был уйти из театра, вернуться в Москву, к родителям. Потому что было очень тяжело. Карьеры не было. Роль не было. Но Георгий Александрович как-то почувствовал мое состояние, подошел и сказал: "Мне кажется, вы хотите уйти из театра. Я вас прошу этого не делать. Вы мне очень нужны". Я не думаю, что я в те мгновения ему действительно был нужен, но этот разговор придал мне силы. Если уж такой режиссер, как Товстоногов, говорит, что я ему крайне нужен - значит, во мне есть что-то!

И чуть позже, на генеральной репетиции спектакля "Океан", где мы вместе с Юрским и Лавровым играли трех главных героев, морских офицеров, я вдруг почувствовал полную свободу пребывания на сцене. Было легко, возникло импровизационное состояние... Потом, правда, из-за груза ответственности все это

ушло, и роль я сыграл довольно средне. Но с того ощущения свободы все и началось, я ответил себе на вопрос, могу ли я быть артистом... А первая роль, которой я был очень доволен и в которой имел успех - это Прозоров в "Трех сестрах", премьера была в 64-м году...

Отношения с Мастером всегда ли были у вас ровные?

Личных взаимоотношений у нас фактически не было. Георгий Александрович был из тех немногих людей, которые вне работы себя не мыслят. Работой была его жизнь. И мы существовали в той же системе. В редкие минуты общения вне работы я, например, себя чувствовал как рыба, выброшенная на песок.

Ну а творческие расхождения часто случались?

Конечно... Но, знаете, наблюдая судьбу очень хороших актеров, которые ушли из БДТ, я понимаю, что они совершили, в общем-то, ошибку... Пусть они работали после этого в Москве, в замечательных театрах и имели главные роли, но все-таки они уходили из коллектива, который, я

могу теперь с определенностью сказать, после Художественного театра Станиславского и Немировича, стал вторым по значению в истории российской культуры. Уйдя в другие театры, люди терялись, либо не могли создать ничего близкого к той высоте, на которую они поднимались в Большом драматическом. Взять хотя бы гениального артиста Иннокентия Михайловича Смоктуновского. Или Доронию, Борисова... У меня было много предложений от ведущих режиссеров Москвы, но я не уходил именно по этой причине - та атмосфера подлинного театра, к которой я привык в Школе-студии МХАТ, воскресла именно здесь. Мы - вместе с Дорониной, Женей Евстигнеевым, Мишей Козаковым, это все студенты нашего курса - учились, когда живы были Ольга Леонардовна Книппер, Василий Иванович Качалов, второе поколение МХАТа во главе с гениальным Грибовым. Мы видели великое искусство ансамбля Художественного театра и волей-неволей воспитывались на этих образцах. Могу сказать, что ни в Сталинградском театре, где я работал после студии, ни в Ленкоме я не испытывал такого ощущения "мажорства", которое было у Товстоногова...

О разочарованиях

Часто ли, Олег Валерьянович, вам приходилось испытывать это чувство за последний год?

Разумеется.

И с чем связано самое сильное ваше разочарование?

Ну бывает, когда возлагаешь на какую-то репетируемую роль определенные надежды, а они не сбываются...

Вы имеете в виду конкретную роль?

Конкретную, Гаева в спектакле "Вишневый сад", поставленном Адольфом Шапиро. Любимейший мой автор, Антон Павлович Чехов, нами все-таки остался не раскрыт. Видимо, по причине разного понимания того, что есть Чехов. Я ждал от соприкосновения с пьесой определенных вещей, которые не произошли. Кто в этом виноват? Наверное, больше всего я, а не режиссер...

Ну а где театр?

Вне театра! Самое сильное разочарование - гостил у меня и моих друзей по "Демократической России", когда мы увидели, что та свобода, которая возникла в государстве, при отсутствии многих необходимых законов используется определенной частью нашего народа для стяжательства, обмана, личного обогащения, а не для того, чтобы принести благо стране...

А к конкретным людям, потерпевшим в той или иной мере политическое фиаско, ваше отношение не изменилось? Бедь, помнится, вы часто выступали единой командой с такими людьми, как Анатолий Собчак, Галина Старовойтова, Белла Куркова... Виктор Югин...

Мало того, я еще поддерживал Илью Константинова в его порывах попасть в Верховный Совет, яростно прописал с трибуны съезд не отклонять его кандидатуру... В людях, которые все сделали для того, чтобы опорочить демократический процесс, я разочаровался, несомненно. Но сказать, что Собчак, Старовойтова или Куркова потерпели политическое фиаско! Нет, абсолютно нет... Просто те люди, которые, начиная с 92-го года, боролись против тоталитарного строя и одержали победу, сейчас должны либо сделать большое усилие над собой, чтобы подняться на новую ступень политического понимания обстановки и продолжать свою деятель-

ность, либо - уйти со сцены. Одно из двух. Поэтому я, как и многие из моих товарищей, с политической деятельностью расстался. Хотя всячески буду поддерживать в Гайдара, и Ельцина в их демократических, реформистских порывах.

Или - Собчак. Он сделал очень много для города! Мы просто не все знаем, а он - человек скромный, об этом не говорит. Например, когда во всей стране год тому назад хлеб стоил гигантские деньги - у нас он стоил значительно дешевле. Посмотрите сейчас, как расцветает, хотя бы внешне, наш город! Это все сделал Собчак. Я убежден, что у него была и масса ошибок, неправильных шагов, но этот человек целиком и полностью посвятил себя не трибуне, а административной деятельности демократа, он пытается наладить жизнь в новом государстве.

Не могу сказать, что Белла Куркова себя дискредитировала - какая она была, такая и осталась. Вся эта провокационная возня вокруг нее - дело рук тех старых структур, которые остались недвижими и неизблещены. И то, что Куркову перед выборами хотя бы скинут с поста главы петербургского телевидения - не случайно. И нынешнее нападение на нее не случайно. Белла Куркова словно бельмо в глазу у тех сил, что пытаются либо повернуть страну вспять, либо утвердить то, что есть сегодня. В том, что сегодня - ведь тоже хорошего

мало...
О своем хождении во власть

Олег Валерьянович, и все-таки, не жаль потраченного на депутатство времени?

Нисколько. Я очень много увидел, для меня многое стало ясней и понятней. Я принял участие в тех событиях, через которые прошла Россия. Я никогда не забуду глаза многих россиян в дни августовского путча - я них впервые засветилась свобода... Я никогда не забуду прошлогодний октябрьский митинг, постановление съезда народных депутатов номер один - о репрессиях против тех, кто не приехал на съезд, вплоть до высшей меры наказания. И тот страх, который я испытал, и то чувство радости от преодоления этого страха, когда я заставил себя выйти на экран телевидения первым и сказать все, что я думаю о митинге...

Я увидел замечательных людей, я рад, что и в нашей стране так много. Я увидел из не только среди депутатов, но и среди своих избирателей, полуголодных пенсионеров, которые приходили ко мне как к своему избирателю в 90-91 году с просьбой дать им лишний килограмм сухого молока. И при этом говорили: держитесь, мы на вас надеемся! На нас - тех, кто начал реформы и из-за кого уровень жизни этих пенсионеров значительно упал! Эти люди напомнили мне тех, кто сидел в окопах ленинградской блокады - люди, чувствующие, что они отстаивают правое дело и просят чуть-чуть помочь им протянуть...

И кроме того, я никогда не забуду того ощущения власти, которая, как говорил Цвейг, являет собой Медузу Горгона - взглянув в ее глаза, человек забывает обо всем. Мне теперь понятно, что такое кремлевские ковры, коридоры, кресла, ощущение возвышения на этом кремлевском холме над всею страной. И мне понятно, сколько нравственных усилий необходимо на любом высоком посту для того, чтобы остаться человеком...

Дэнфорт, которого вы сыгнали в "Салемских колдуньях" у Темира Чехидзе - не оттуда ли пришел на сцену, не из Кремля?

Несомненно! Я ведь все время пытался понять причину стремления человека к власти. И, наверное, один из аспектов я для себя открыл. Многие стремятся к власти не для того, чтобы принести благо окружающим и стране, а - от чувства собственной человеческой неполноценности, развитой в детстве. Вот к таким людям я причисляю Жириновского, допустим, Зюганова, Хасбулатова и прочую банду. Это же бандиты просто, паханы с бритвами... Почему Дэнфорт, который приспал правительство штата для того, чтобы утвердить власть, стремится в первую очередь запугать людей? Когда страшно людям - тогда им легко водить. Он нагнетает атмосферу поисков дьявола, сажает в тюрьмы - все для того, чтобы люди трепетали. Но почему вдруг конфликт с Проктором у него возник? Мне показались, что когда-то в детстве, в школе, такие люди, как Проктор, вызывали у Дэнфорта зависть. Проктор учился хуже, а вот учителя его любили. Проктор пользовался успехом у девочек, а этот, несмотря на то, что красивее - нет. И возникает комплекс неполноценности, желание его преодолеть! Тогда человек идет в политическую борьбу, желая показать, что он выше, интереснее всех этих людей. Дэнфорт ставит себя с такими сложными обстоятельствами - и каждый раз демократически выигрывает борьбу у Проктора, получая от этого наслаждение. И забыв о том, что у него в руках судьбы людей, которыми он играет как шариками...

Олег Валерьянович, а характер ваш за это время изменился?

Изменился. Я избавился от многих комплексов, и, главное, от страха. Я ведь до сих пор продолжаю полу-

Олег Басилашвили с дочкой Ксюшей

чать мерзкие письма, с угрозами физической расправы. Письма из разных городов - из Хабаровска, Читы, Костромы - отовсюду. И почти одним почерком, с закорючкой в конце, без обратного адреса... Мне очень понравилось последнее письмо, и даже его сохранил - там сказано, чтобы я из этого города убирался, отсчет времени начался... А кончалось так: "Одним словом, заглохни, гнидай!" Где-то, думаю, я уже слышал это выражение. Открываю "Собаке сердце" - точно, Шариков говорит: "Заглохни, гнидай!"

А помните, Олег Валерьянович, как одна дама из "Анти-Ельцинского" лагеря опубликовала письмо в ответ на ваше очередное политическое выступление: вот, мол, Басилашвили, такой хороший актер, интеллигентный человек, а опустился до оскорблений...

Помню, конечно, это было на том съезде, когда они замыслили провокацию против Ельцина - снять его хотели. У меня была встреча с избирателями, на которой сорвалось это нелепое слово "полудурки". Я сказал: эти полудурки не понимают, что вне реформ Россия погибнет... Мое выступление попало в газету, и Светлана Горючева сказала: ай-яй-яй! Ну, я перед ней извиняться не стал. Я бы назвал ее еще более крепким словом, если бы она не была женщиной!

Наверное, все-таки после этих политических вистроек вы, действительно, стали менее сдержанным?

Ну конечно... Я после каждого съезда в больнице лежал.

Все-таки, стоило ли это таких жертв?

Безусловно.

Еще Эльдар Рязанов как-то заметил: не понимаю, почему такие люди, как Басилашвили, уходят в политику?

Если бы Рязанов не провалился на выборах в 90-м году - он бы занимался тем же самым, что и я. А поскольку его не избрали, так он не понимает... Существует долг перед избирателями, его надо выполнять - только и всего.

О кинематографе и о товарище Ленине

В рязановском "Предсказании" вы сыграли писателя Горюнова, типичного шестидесятника, подводящего итоги своей жизни. Для Рязанова эта картина, вне сомнения, исповедальная. А для вас?

В какой-то степени тоже. Часть тех чувств, что испытывает Горюнов, свойственны и мне. Многие писатели, работники культуры, выступавшие против коммунистического диктатора, свою миссию выполнили - и стали не нужны. Необходимо осмысление жизни, чтобы шагнуть дальше. Это самый тяжелый процесс. Где сейчас наши "прорывы перестройки", замечательные писатели! Им, должно быть, очень трудно. Почему Горюнов ездит на эти встречи с читателями! Надо деньги зарабатывать просто-напросто, книги сейчас не из-

даются. Он старый. Плюс к этому - жизнь, к которой он призывал - вот она, и совсем не так она прекрасна... Он чувствует и долю своей вины в этом. И единственное спасение для него - это любовь... Я не говорю, что фильм идеален. Но для нас он был важен. И потому снимали мы картину бесплатно - я не получил почти ни копейки, Рязанов - 50 тысяч постановочных.

А вообще, предложенный в кино много?

Вот, уезжаю в Москву к Даниелин сниматься. Что это будет - не знаю. Просто он мне позвонил, сказал: умер мой тапсман, Леонов, теперь ты будешь! Я тебя буду снимать в каждой картине, какая бы роль ни была... Ну а раз тапсман - значит, поеду... Шахназаров с Бородинским предлагают роль в новой картине, что-то об эмиграции. Так что планов много.

Увидел недавно афишу "Русской антрепризы": Олег Басилашвили. "День отшельника" - стелсмен... И вспомнил, как убедительно, искренне читали вы в свое время "Разговор с товарищем Лениным". Неужели до сих пор читаете?

Давно уже не читаю, и зачем Рудольф Фурманов вынес читату на афишу - не знаю. Но стихотворение мне нравится, и не читаю я его только потому, что могу быть неверно понят. Для Маяковского Ленин был образом человека - и все. Он свято в это верил. А когда в чем-то заколебался - то застрелился...

А вы в это верили, когда читали?

И я верил. Но для меня все же главным был не Ленин, а одиночество Маяковского. Сидит в комнате человек, вокруг никого - только фотография... Сидит, льет слезы - и обращается к этой фотографии как к единственному собеседнику. Вот что меня сорвало...

О самом приятном

Ну а что сейчас вас больше всего согревает, после того, как вы ушли из политики?

Прежде всего то, что люди начинают понимать: их жизнь зависит от их собственных усилий, а не от секретаря обкома или мэра. Начинают понимать, что каждый из них может заработать деньги и выжить, и даже - очень хорошо жить, не нарушая законы... Помните это кошмар пустых прилавков! Эту грязь и вонь мертвецкую в мясных магазинах! Эти безумные очереди за водкой, где люди топтали насмерть! Мы забыли это время, а прошло три года всего лишь. Сейчас этого нет! И сейчас выражается недовольство тем, что из трех сортов йогурта остался один, малиновый, а клубничного нет. И это в меня вселяет оптимизм. Нам удалось сделать так, что волосы дыбом ночью не встанут от того, что мы не знаем, чем накормить семью! Вспомните! Горбачев танцевал пять лет на краю пропасти, боясь протянуть канат - его протянули мы. И пошли первыми по этому канату, срываясь в пропасть. Но уже видно, куда надо идти, уже первый шаг в реформах сделан.

Раньше у меня была зарплата 450 рублей, как у народного артиста Советского Союза. Я обладал почти бесплатным дачным домиком, арендовал его исполком, я платил в год 200 рублей. У меня было место в Свердловской больнице, в отдельной палате. И в реабилитационном санатории в Дюнах. Совершенно бесплатно. То есть, я как сыр в масле катался. Ничего этого у меня сейчас нет. Зарплата стала в три раза меньше - 150-180 тысяч. При ценах, выросших в десятки, сотни раз. Так что жить я стал материально значительно хуже. Но я живу лучше горлоздов! Я живу свободнее, как хочу. Я не чувствую стыда перед своими товарищами, перед Николаем Николаевичем Трофимовым, например, который не был народным артистом и не мог лежать в Свердловске, как я. И это должно было подчеркивать мой талант и его меньшую одаренность - что не соответствует действительности, а совсем наоборот... Чувство лжи и фальши исчезло у нас, и для меня это самая большая радость.

О юбилее

Ну а где и как вы отметили свое 60-летие?

Для меня это нож острый...

Почему?

Видимо, это зависит от моего характера. Я очень не люблю свои дни рождения, поздравления, гостей... Когда гости приходят просто так - я очень люблю, а когда на день рождения... Что-то приходится выслушивать, тосты какие-то - терпеть не могу! Я чувствую себя крайне неловко...

Да и потом, не тот я человек, юбилей которого надо праздновать...

Олег Валерьянович, я вспоминаю, как в товстоноговском "Дяде Ване" обращенная к вам реплика Лаврова - Астрова - да, что в уезде осталось два интеллигента, "а да ты" - вызвала неожиданную смену в зале... Наверное, действительно, в лице артиста Басилашвили мы имеем одного из немногих представителей племена российских интеллигентов, со всеми его, не изменившимися с чеховских времен характерными особенностями?

Понимаете, в чем дело - человек, называющий себя интеллигентом, вызывает у меня те же самые чувства, что и профессор Серебряков... "Говорят, у Тургенева была грудная жаба. Боюсь, как бы и у меня не было". Слово "интеллигент" присуще только России, в других странах его нет. Назвать себя интеллигентом - то же самое, что повесить над аэропортом позунг: да здравствует великий советский народ! Постыдный позунг, слава Богу, его уже отовсюду убрали... И что такое "интеллигент" - мне определить очень трудно...

С юбиларом встречался и поздравлял его от имени всех читателей "Смены"

Максим МАКСИМОВ

Фотограф

Валерий ПЛОТНИКОВ